

Наконец, в «сидении» на перевалах подошел конец. В двадцатых числах 1877года войска героя Забалканского похода генерала Гурко преодолели Балканы и 23 декабря заняли Софию:

«Тем временем генерал Радецкий, во исполнение приказа Главнокомандующего, сделал распоряжение для атаки турецких позиций у Шипки. Пользуясь тем, что по обе стороны Шипкинского перевала, верстах в 7—12 на запад и восток от него, проходили две обходные дороги - Иметлийская через Зелено-Древо и Травненская — на Сельцы тщательно осмотренные и исследованные нами посредством рекогносцировок и плохо наблюдаемые турками, — генерал Радецкий предположил направить по этим дорогам за Балканы две обходные колонны, на фланги и в тыл туркам, с целью выручки и освобождения шипкинского гарнизона.

Задача была не легкая. Зима в Балканах вступила уже во все свои права. Упомянутые обходные дорожки или – вернее - тропинки пролегали по обледенелым скалам и страшным кручам гор, на которых уже два месяца лежал толстым слоем снег, местами сажени в 1½ вышиною. К тому же, движение войск по этим адским тропинкам нужно было совершить с возможной скоростью, чтобы турки не заняли заблаговременно выходов из них и не перебили бы нас там на выбор, а главное — необходимо было исполнить это движение как можно быстрее, чтобы не дать времени подойти к Шипке двигавшемуся, по слухам, из Сливны 10-ти тысячному турецкому отряду. Несмотря на все эти затруднения, план обходного движения с целью освобождения шипкинских героев, был решен окончательно, как единственно возможный и ближе всего ведущий к цели.

И так начался беспримерный в летописях войны зимний переход войск чрез снежные выси Балканских гор, с целью выручки своих, — переход, наиболее прославивший нас в прошлую кампанию.

К 24-му декабря обе наши обходные колонны были уже составлены и сосредоточены в назначенных им пунктах: правая — у Зелена-Древа, левая – в Травне.

В составе правой колонны, под начальством генерал-лейтенанта Скобелева, вошли: 16-я пехотная дивизия, 9-й, 11-й и 12-й стрелковые батальоны, семь болгарских дружин, две роты 4-го саперного батальона, Донской № 9-го полк, Уральская казачья сотня, 2-я горная батарея и шесть 4-х фунтовых полевых орудий 16-й артиллерийской бригады, приспособленных к перевозке на санях.

В состав левой колонны, под начальством генерал-лейтенанта князя Святополк-Мирского, вошли: три полка 9-й дивизии, 33-й Елецкий, 34-й Севский и 36-й Орловский, 4-я стрелковая бригада, 30-я пехотная дивизия, рота 5-го саперного батальона, одна болгарская дружина, 23-й

Донской казачий полк, горная № 1-го батарея, первая батарея 9-й артиллерийской бригады, приспособленные к перевозке на санях.

На шинкинской позиции остались: 14-я пехотная дивизия, 35-й пехотный Брянский полк и две роты 2-го саперного батальона.

Из этих войск 2-я бригада 14-й пехотной дивизии и один батальон Брянского полка предназначены были для фронтального наступления, по занятии дер. Шинки обходными колоннами.

Выступление назначено было 24-го декабря, так как к этому только времени подходила в Травну 30-я пехотная дивизия.

Левая колонна выступила 24-го числа, с рассветом, через Сельченский перевал; колонне этой предстоял переход в 45 верст из Травны до Гюзова, — расположения крайнего правого фланга неприятеля.

Правая колонна начала движение 24-го числа, вечером, так как ей предстоял переход от Топлища до сел. Иметли, по ту сторону Балкан, близь левого фланга неприятеля, всего от 16 до 20 верст.

Обе колонны, по расчету генерала Радецкого, при благоприятной погоде, должны были подойти к неприятелю вечером 26-го и 27-го, чтобы атаковать его.

Так как колонне князя Святополк-Мирского приходилось пройти расстояние в два раза более, чем правой колонне, то ему предписывалось наступать самым энергическим образом; кодонне же генерал-лейтенанта Скобелева — двигаться с таким расчетом, чтобы быть по ту сторону Балкан не ранее вечера 26-го.

Обеим колоннам приказано прикрыть себя во время движения с левой стороны: князю Святополк-Мирскому занятием Маглиша, против возможного наступления неприятеля со стороны Хаскиоя; правой колонне занять Караджу, против левого фланга неприятельского расположения на Шинке, так как движение этой колонны было весьма близко от неприятельского расположения (в пяти-шести верстах) и прикрывалось лишь горой Караджою.

Обеим колоннам, по спуске с гор, атаковать деревню Шинку: князю Мирскому от Гюзова и левым своим флангом стараться войти в связь с колонною генерала Скобелева; этому последнему — от Иметли через Шеново и своим правым флангом стараться войти в связь с колонною князя Святополк-Мирского.

Согласно предписанию генерала Радецкого, войска левой колонны выступили из Травны, 24-го декабря, с рассветом, в следующем порядке: 4-я стрелковая бригада, две сотни казаков 23-го полка, 9-я дружина болгарского ополчения и 1-я горная батарея — двинулись в авангарде через Крестец к д. Сольцы, под общим начальством командира стрелковой бригады, полковника Крока. За ними вслед направлены были

33-й пехотный Елецкий полк, 34-й Севский, с 4-й батареей 14-й артиллерийской бригады, и 36-й пехотный Орловский полк с 1-ю батареей 9-й артиллерийской бригады. Три сотни казаков следовали впереди главных сил, а одна сотня — в арьергарде. 30-й пехотной дивизии предписано было перейти в этот день из Дранова в Травну. Впереди двигавшихся войск занимались расчисткою дороги от глубокого снега до двух тысяч болгар, под надзором роты 5-го саперного батальона.

Горный путь на Сельцы, идущий по невообразимо крутым подъемам и спускам, в данное время был засыпан и лежал под снегом в течении уже двух слишком месяцев, и представлялся в ширину не более шести футов, со снегом, в котором нога погружалась по колено, не смотря на расчистку болгарами, и с целыми стенами такого же снега по сторонам, превышавшими во многих местах человеческий рост. По такой-то, можно сказать, снеговой траншее, карабкаясь по крутым подъемам, подсаживая друг друга, скатываясь с почти отвесных спусков, погружаясь в снег по колено, скользя и падая несчетное число раз, почти без отдыха и не имея другой пищи, кроме жесткого сухаря, съедаемого тут же на пути, наш герой-солдат подвигался вперед и находил в себе еще настолько добродушного юмора, чтобы подшучивать друг над другом. Особенно последний спуск в ущелье, в котором расположена д. Сольцы, представлял такие страшные затруднения, что ехать верхом было решительно невозможно. Даже начальники принуждены были слезть с коней и все шли пешком, причем скользить и падать приходилось на каждом шагу.

Не взирая, однако, на эти страшные затруднения при движении, все войска, которым было предписано прибыть к ночи в д. Сельцы, стянулись к этому пункту, следуя целый день без привала, к 12-м часам ночи, причем, впрочем, вследствие очевидной невозможности двигать артиллерию, пришлось, сперва, отказаться от 9-ти фунтовой батареи, а потом и от 4-х фунтовой: иначе эта артиллерия, связывая и задерживая пехоту, не дала бы возможности подойти войскам своевременно к назначенному пункту. Таким образом, 24-го числа войска перешли высшую точку перевала и спустились в д. Сольцы, сделав в один переход слишком 30 верст, а некоторые и до 40 верст».

Не менее трудный путь достался правой колонне генерала Скобелева: «И здесь с первого же раза Балканы дали себя знать. Отойдя немного от д. Зелено-Древо, войскам пришлось уже взбираться на крутой подъем. Ветер сваял с него снег; осталась скользкая, обледенелая поверхность. То и дело сверху скатывались и падали солдаты, гремя ружьями, котелками, шанцевыми инструментами. Шум был ужасный. Кто смеялся, кто проклинал. Те, которые добрались доверху, тяжело дышали, отдыхали, прислонившись к деревьям, или просто ложились в снег в полном бессилии. Падая и скатываясь, напрасно хотели удержаться руками: руки скользили по гладкой поверхности. Направо и

налево уже трупами лежали солдаты, некоторые просто ничком, лицом в снег припали. На верху же подъема, на площадке путь весь был засыпан снегом. Ноги уже не скользили, но за то рыхлые снега приходились по груди. Солдаты шли в какой-то каше.

Переходя, таким образом, с подъема на подъем, поворачивая направо и налево по невообразимо крутым тропинкам, огибающим скалы и обрывы, отряд вошел наконец в густой лесок. Тут тропинка оказалась до того узка, что солдаты шли гуськом. Так был убийственно тяжел этот путь, что люди отдыхали буквально через каждые двадцать, тридцать шагов. И какие это были шаги! Солдаты с натугою выхватывали ногу из снеговой глыбы, потом ступали вперед, опять погружаясь в вязкую массу. Под ногами снег расплзался, ноги расходились, — приходилось падать и подниматься опять.

После нескольких часов такой ходьбы солдаты были, уже страшно утомлены. Люди шли как то механически, точно ноги работали помимо их воли. Видимо озлобились все, - ни песни, ни разговоров. Усталые солдаты, нужно сказать правду, мало помогали саперам в расчистке дороги. Путь почти не расчищался; ткнут лопатами в снег, точно кашу помешают, и, понурясь, идут дальше.

В некоторых местах дорога входила в чащу до того перепутанную, что ее трудно было раздвигать руками: какие-то колючки впивались в лицо, резали его и обращали платье в лохмотья.

С артиллерией же была настоящая мука. Десятифунтовые орудия пришлось бросить позади. Горные же орудия, на саночках, тела отдельно от лафетов, шли лямкою. Впереди двигалась целая процессия. Солдаты, наклонившись головою вперед, как бурлаки, хрипя, тащили на лямках каждое из таких орудий. Так и казалось, что вот разорвутся эти могучие груди: так тяжело они дышали.

Всего мучительнее было для солдат взбираться на горы после того, как, поскользнувшись, они скатывались вниз. Иной пять, шесть раз совершает такое восхождение и все с одинаковым неуспехом. В одном месте дорога шла смелым взлетом по скользкому, обледенелому карнизу, шириною сажень в десять. Направо стена, налево — бездна, поверхность дороги несколько поката к пропасти. Тут приходилось идти осторожно. Сколько раз здесь слышался крик отчаянный, проникавший в душу: и сверху все видели, как срывался вниз несчастный солдат, гремя по выступам крутизны ружьем, лопатою, котелком. С какими тщетными усилиями он хотел задержать свое падение, схватывался за малейшую неровность почвы, иногда на секунду задерживался на ней, но чтобы еще быстрее соскользнуть вниз!

Так была ужасна крутизна, по которой всплзывает эта дорожка, что, глядя вниз, у многих кружилась голова. Старались уже не смотреть вниз. Казаки употребляли тут оригинальный прием. Благодаря своим

удивительным лошадям, они легче солдат взбирались на эти кручи. Они брали своих коней за хвосты, закручивали их на руку и, подгоняя лошадей, так сказать, буксировались ими вперед. Видя успех такого дела, ему последовали и многие из офицеров.

Давно уже наступила ночь, а солдаты шли все вверх и вверх. Наконец, попали в такие сугробы, где каждый шаг приходилось отвоевывать. Буквально по горло в снегу, солдаты уже не двигали ногами, а как-то напирали всем корпусом вперед, выдавливая для себя место. Все было мокро на них: и сами, и платье. А выберутся из снегов, ветром и морозом охватывает, пальто коробится, рубашка деревенеет и на волосах разом образуются куски льда. В ином месте сядут на снеговую глыбу, думают отвести душу, вдруг снег раздается под ними, сползает вниз и, чтобы не упасть в кручу, зияющую под ногами, нужно схватываться по пути за деревья и умолять товарищей сбросить веревку, чтобы опять забраться на путь; а мимо наверху люди уже далеко обходят края воронки, чтобы не попасть туда же. Обойдут и оттуда уже бросают веревку. Вылезает солдат наверх разбитый, в синяках и ссадинах, ноги подламываются, болят во всех суставах, леденеют, — а нужно идти еще далеко, далеко. Солдаты под конец стали садиться на дорогу, ложиться на нее. Через них и по ним ходили, наступали на лицо, на грудь, на ноги: только стонали и опять поднимались, чтобы до последних сил идти вперед.

Если ко всему этому прибавить еще, что людям было запрещено на привалах по дороге разводить костры, дабы не обратить этим на себя внимание противника, позиции которого не были удалены более чем на 1^{1/2} версты, и курить, то можно будет вполне понять, какую нечеловеческую энергию выказали в этом походе наши солдаты! К счастью их, в это время погода еще стояла довольно тихая, хотя и был мороз градусов в десять, иначе весь отряд окончательно замело бы в горах снегом».

Таким образом, чтобы преодолеть этот путь длиною всего чуть более 10 верст, войскам генерала Скобелева потребовалось более 20 часов!

И пока правая колонна располагалась на привал, авангард левой колонны в составе 4-й стрелковой бригады, героически проявившей себя в ходе первого Забалканского похода генерала Гурко, и 33-го пехотного Елецкого полка при горной батарее поднялся на последний перевал и занял позицию на вершине его.

На следующий день: «26-го числа, перед тем, чтобы спуститься в д. Гузово, где можно было встретить уже сопротивление, князь Мирский решил сначала подтянуть к авангарду Севский и Орловский полки и тогда уже начать движение, почему предписал Севскому полку выступить в 6 часов утра, за ним вслед двигаться Орловскому и бригаде 30-й пехотной дивизии. Другой же бригаде с сотнею казаков, под

начальством командующего дивизией, генерал-майора Шнитникова, идти на Маглиш и занять его.

*Около 10 часов утра все силы подтянулись, и генерал Мирский приказал спускаться 4-й стрелковой бригаде, имея Донской полк впереди. В долине Тунджи не было заметно ни малейшего движения, обнаруживающего, что мы открыты. Спуску вниз благоприятствовало то обстоятельство, что он прикрыт спереди большою горою, до которой дорога спускается, затем поворачивает вправо и, огибая гору, выходит прямо к д. Горное-Гюзово. С вершины спуска эта деревня, закрываемая той же горою, не была видна, а потому, в виду неизвестности, что там находится, приказано было казакам, быстро выдвинувшись из-за горы, немедленно обскакать деревню и обстоятельно донести, что ими будет открыто и встретят ли они сопротивление. В 12 часов, после нескольких выстрелов со стороны баши-бузуков, бывших в деревне, она была занята казаками, часть которых направилась в д. Дольнее Гюзово, а за ними головные части стрелковой бригады. Эта деревня, также после незначительной перестрелки, была занята и головные части остановились, так как дальнейшего наступления в этот день не предполагалось. Тотчас была осмотрена и выбрана позиция, которая и занималась постепенно следовавшими безостановочно войсками. К 5-ти часам все были на своих местах, занимая первую линию: справа стрелковой бригадою, в центре **Елецким** и слева Севским полками; в резерве стали: Орловский полк и бригада 30-й дивизии.*

Потеря в этот день состояла из шести раненых казаков и трех стрелков».

Вторая колонна, шедшая на Маглиш, встретила сопротивление со стороны 3-х таборов турецкой пехоты, занимавших выход из ущелья. Однако смелыми действиями русской пехоты они были опрокинуты и рассеяны.

*«Вследствие полученной от генерала Радецкого телеграммы о том, что движение иметлийского отряда через перевал идет успешно, и потому атака Шипки должна совершиться 27-го числа, князь Мирский предписал с утра подготовить наступление на Янину, в надежде, что одновременно услышаны будут действия со стороны д. Иметли. Действительно, с наступлением утра, вдали, по направлению к д. Иметли, началась ружейная перестрелка, которая становилась все оживленнее и как будто приближалась. Князем Мирским тотчас были сделаны следующие распоряжения: в боевые линии были назначены: 4-я стрелковая бригада с горною батареей и непосредственно за нею **Елецкий полк**. В общем резерве полки: 34-й Севский, 36-й Орловский и 117-й Ярославский. Серпуховский полк был оставлен на Гюзовской позиции, для прикрытия обозов и спуска. Генералу Шнитникову князь Мирский послал приказание угрожать из Маглыша г. Казанлыку, с целью отвлечь*

внимание тех сил, которые могли бы там быть и которые еще накануне, в числе около 5 таборов, видны были с Гюзовской позиции. Но оказалось впоследствии, что эти таборы в ночь с 26-го на 27-е число были притянуты к Шипке, и Казанлык остался без защиты, так что демонстрация генерала Шнитникова кончилась занятием Казанлыка, вскоре после полудня 27-го числа, без боя.

Между тем отряд начал наступление к Янине, и бой постепенно загорался.

Но по мере того, как здесь начали втягиваться в бой, выстрелы вдали, со стороны Иметли, начали утихать, и вскоре совсем умолкли. Втянувшись в бой и получив в то же время новое, положительное приказание от генерала Радецкого атаковать Шипку 27-го числа, князь Мирский не признал возможным останавливать уже начавшегося успешного боя, и наступление продолжалось безостановочно. Последовательно заняты были с боем д. Янина, а вслед за нею - Хаскиой. По занятии последней, влево тотчас высланы были две сотни казаков, под командою полковника Ралгина, которым было предписано стараться раскрыть отряд генерала Скобелева и войти с ним в связь; войска же продолжали дальнейшее наступление к Шипке.

Между Хаскием и Шипкою начинается ряд курганов, занятых турками, укрепленных идущими спирально от низу до верху ложементами, доступы к которым идут по совершенно открытой местности, подверженной самому убийственному огню. Не взирая на это, стрелки и **Елецкий полк**, составивший правый фланг боевого расположения, продолжая безостановочно наступление, выбили турок штыками из ближайших курганов, работая под сильнейшим ружейным и уже артиллерийским огнем, которым были встречены наши войска при выходе из д. Хаскиой. Для дальнейшего наступления потребовалось усилить боевую линию, тем более что наш правый фланг, сравнительно слабейший и против которого, притом, усиленно действовала артиллерия противника, при дальнейшем наступлении несколько поколебался, особенно когда **командир полка, полковник Громан**, был ранен и выбыл из строя. Тотчас на поддержку **Елецкого полка** направлен был из резерва Севский полк, а к 4-й стрелковой бригаде — Орловский полк. Для обеспечения левого фланга со стороны Казанлыка, один батальон Ярославского полка был выдвинут из резерва для занятия южной стороны д. Хаскиой. 34-й Севский полк, имея головы батальонов на линии, двинут был командиром полка, полковником Жиржсинским, в боевую линию на поддержку **Ельцам**, а Орловцы двинулись на усиление центра и левого фланга. В то же время горная батарея, подойдя на расстояние 350 сажень к батарее, занимавшей сильный курган против нашего центра, открыла учащенный огонь, а Севцы, двинувшись в боевую линию справа от **Елецкого полка**, безостановочно продолжали наступление. Удачным выстрелом горного орудия был взорван на кургане

зарядный ящик у турок. Воспользовавшись этим, войска грянули общее „ура“, и вся линия бросилась в атаку в штыки. Невзирая на страшный ружейный и орудийный огонь, стрелки ворвались на курган и овладели тремя дальнобойными орудиями, взяв при этом до ста пленных. Сопротивление было отчаянное; на одном этом кургане осталось более 200 турецких трупов. Турки поспешно отступили и заняли новую линию укреплений, состоявших из ряда сильных редутов и д. Шипки на левом фланге. Ожесточенный огонь продолжался.

В боевой линии было 13 батальонов и горная батарея.

В общем резерве осталось только два батальона Ярославцев. Всеми войсками боевой линии продолжал командовать генерал Домбровский, невзирая на то, что с 12 часов утра он был уже ранен пулей в плечо на вылет. Решено было расходовать два последних резервных батальона только в крайности. Войска боевой линии были страшно утомлены непрерывным боем, длившимся уже семь часов сряду, и понесли потери от огня. В резерве же всего оставалось два батальона Ярославцев, и потому атаковать вторую линию укреплений уже утомленными войсками князь Мирский не нашел возможным, и приказал ограничиться удержанием занимаемых позиций.

Наступила темнота; занято было с боя пять сильно укрепленных турецких курганов, не считая нескольких меньших, а отдельные охотники Севского полка проникли в развалины даже ближайших домов д. Шипки. Решено было ночевать на занятых позициях невзирая на то, что со стороны д. Иметли неслышно было до конца дня ни одного выстрела. Князь Мирский приказал войскам окопаться ложементами, для чего была направлена бывшая при отряде саперная рота.

От генерала Шнитникова, незадолго до наступления темноты, получено было донесение, что Казанлык им занят. Ярославский полк оставлен был на ночлег впереди д. Ханской в резерве боевых линий. С вечера от пленных турок получено было сведение, что турки ожидают из Иени-Загры на подкрепление 18 таборов.

Не лишним будет при этом упомянуть о состоянии материальной части отряда в это время. Войска, имевшие при себе патронов, с находящимися на выюках, всего по 100 на человека, расстреляли большую часть их в течение целого дня непрерывного ожесточенного боя. Некоторые части имели при себе сухарей всего только на один день и никаких консервов, так как, вследствие спешного движения, имели возможность приобрести не более как 100 выюков, на которых надо было везти по 40 патронов и сухарный запас. 30-я же дивизия следовала почти совсем без выючного обоза, получив неожиданное приказание немедленно следовать на перевал, вследствие чего люди имели при себе только трехдневный запас сухарей, и в д. Сельцах, чтобы не оставить полки

вовсе без сухарей, приказано было уделить часть таковых из скудного запаса полков **9-й дивизии**».

Для отряда генерала Мирского наступил крайне тревожный день. К тому же ситуация осложнялась отсутствием связи с войсками правой колонны генерала Скобелева:

«Наступило утро достопамятного дня 28-го декабря. Это было как раз месяц спустя после взятия Плевны. Утро было необыкновенно туманное. В левой колонне князя Святополк-Мирского, расположившейся перед деревней, уже с ночи шли приготовления к последней атаке. Несмотря на критическое положение отряда, князь Мирский решился атаковать турок, имея в боевой линии на правом фланге — **Елецкий** и Севский полки, на левом — 4-ю стрелковую бригаду и Орловский полк, и в общем резерве, впереди деревни Хаскиой, Ярославский полк. Приняв означенное решение, князь Мирский притянул к резерву еще два батальона Серпуховского полка из д. Гюзово, оставив для прикрытия обозов только один батальон; а в пять часов утра послано было генералу Шнитникову предписание двинуть из Казанлыка один полк на Шинку во фланг и тыл турок, и войти в связь с иметлийским отрядом, если он начнет приближаться. Артиллерия наша на позиции усилена была орудиями, отнятыми у турок накануне, к которым было найдено 60 снарядов. В боевой линии находилось 13 батальонов, в резерве — пять батальонов и слева из Казанлыка ожидался полк 30-й дивизии. Начальником боевых линий назначен был еще накануне, вечером, командир 4-й стрелковой бригады, полковник Крок, так как раненый генерал Домбровский не мог более оставаться в строю.

Небольшая ружейная перестрелка продолжалась в левой колонне всю ночь, так как позиции обеих сторон находились на расстоянии самого действительного ружейного огня, а в некоторых местах сходились очень близко, — так например, турецкие землянки, из которых турки были выбиты с вечера, занимались всю ночь командой охотников из стрелков Орловцев и Севцев, в расстоянии от большого турецкого редута шагах в 250. С рассветом огонь начал все более усиливаться и принял вскоре ожесточенный характер. В девятом часу турки перешли было в наступление и попытались атаковать особенно наш правый фланг, на который атака несколько раз повторялась; но каждый раз эти атаки были опрокидываемы тотчас с огромным для противника уроном. После этого перестрелка на некоторое время ослабла и начало обнаруживаться, что турки усиливают свой правый фланг. Тогда на подкрепление боевой линии был двинут Ярославский полк. Едва означенные части, в составе 2¹/₂ батальонов, усилили наш левый фланг против леса, а две роты подошли на подкрепление правого фланга к Севцам, как турки сделали новую попытку атаковать наш левый фланг и центр; однако эта атака была не только блистательно опрокинута, но войска наши перешли в наступление и, выбив турок из леса на левом

фланге нашей позиции, овладели в то же время окончательно штурмом д. Шипкою и шоссейным спуском из Казанлыка, отрезав, таким образом, от их сообщения войска, занимавшие позиции на верху перевала против войск генерала Радецкого. Во время этой же атаки занят был с боя редут с двумя орудиями, расположенный против нашего левого фланга, так что последние укрепления, занимаемые турками, фланкировались нами с обоих флангов. У турок оставалось несколько небольших курганов, большой редут и задний резервный редут и лагерь. Однако каждую минуту можно было ожидать, что турки, не задерживаемые нашими отрядами с других сторон, решатся всею своею массою наброситься на отряд Мирского, чтобы прорваться в сторону Казанлыка или Сливно.

Но в это время, в 11-м часу, раздалось общее „ура“; со стороны Иметли слышались звуки русской музыки, и завязался ружейный, а затем и артиллерийский огонь. Вскоре слышалась пальба и с наших шипкинских позиций. Начался общий последний акт кровавого дела.

Перейдем к отряду генерала Радецкого.

28-го, в 5 часов утра, когда было еще совершенно темно, на позиции Св. Николая слышалась сильная стрельба со стороны колонны князя Святополк-Мирского, из чего можно было заключить, что она атакована противником.

С Николая в этот день ничего не было видно, так как был густой туман; за ветром, который еще начался с вечера 27-го, из долины не были даже слышны ясно выстрелы, а потому за ходом боя в долине следить было невозможно. Так прошло все утро 28-го до 12 часов; неприятель только изредка стрелял по Николаю из орудий.

Радецкий все время был против атаки турецких высот с фронта, со стороны горы Св. Николая. Он знал, что брать их в лоб невозможно. Но, получив еще накануне известие о безнадежном положении нашей левой колонны, Радецкий решился повести свои полки вперед, чтобы только отвлечь часть неприятельских сил от Мирского.

В 12 часов, как сказано выше, генерал Радецкий начал атаку с фронта, причем, имея в виду, что дебуширование возможно только по шоссе шириною в семь шагов, им были сделаны для того следующие распоряжения. 55-й пехотный Подольский полк, имел во главе три стрелковые роты, под начальством капитана Надеина, и в поддержку им четыре роты 2-го батальона того же полка, под начальством подполковника Сендецкого, должен был штурмовать турецкие ретраншементы и батареи, наступая по шоссе; 1-й же и 3-й батальоны этого полка, занимая наши траншеи вправо от шоссе, должны были служить ближайшим резервом штурмующим ротам. Начальником всех войск, действовавших по шоссе, назначен был командир 55-го пехотного Подольского полка, полковник Духонин.

Первый батальон 35-го пехотного Брянского полка образовал штурмовую колонну из 1-й и 4-й рот, под начальством капитана Трамбецкого, и должен был двинуться по желобу, что под самыми скалами, имея в резерве остальные три роты батальона, из коих одна занимала наши траншеи по обе стороны скалы. Второму батальону 56-го Житомирского полка назначено было вести атаку по ложбине правее скал, причем в штурмовую колонну поставлены были 5-я и 6-я роты батальона, а остальные три роты составляли ближайший их резерв, и, наконец, 1-й и 3-й батальоны 56-го пехотного Житомирского полка составляли общий резерв у окончания подъема на Николай, впереди мортирной батареи, под начальством полковника Бакова.

Главная атака возможна была только по шоссе, потому что допускалось движение фронтом, не шире, однако, пяти—шести рядов.

Что же касается штурмующих колонн по желобу и по ложбине правее скал, то были пущены в видах охвата фланга шоссеиных турецких траншей и для содействия главной атаке, причем, пройдя около 800 шагов, обе вспомогательные штурмовые колонны, по необходимости, выходили также на шоссе.

Радецкий, на лице, которого редко можно было прочесть что-нибудь, кроме спокойствия и свойственного этому генералу добродушия, ходил сегодня хмурый и молчаливый. Во время приготовления к бою у него вырвалась только фраза:

— Я отдал целую бригаду на смерть, чтобы выиграть это дело... Пора кончить!

14-й дивизии после стольких подвигов и потерь на Шипке, пришлось опять покупать свое спасение ценою лучших своих бойцов и товарищей. По заранее поверенным часам, без боя барабанов, тихо спустились передовые войска каждой колонны к своим местам.

Саперы при этом раскидали каменные стенки, загораживавшие как выход на шоссе, так и прочие выходы.

Штурмующие колонны, которым нужно было идти по желобу и по ложбине правее скал, сразу сообразили, что идти им нельзя. Обледеный крутой скат нигде не давал упора для ноги. Солдаты, впрочем, скоро нашлись. Они сели кучками, схватившись руками, и съехали так, точно с ледяных гор. Дальше, впрочем, двинуться было некуда - впереди почти отвесная крутизна, направо тоже бездна, пришлось обогнуть скалу и выйти на то же шоссе, по которому уже двигались Подольцы, но и это значило почти тоже, идти на верную смерть: оледенелое шоссе извивалось узкой лентой по чрезвычайно крутому скату. Солдаты, однако, гуськом пошли.

Мертвая тишина в течение четверти часа от начала движения нарушена была громким криком „ура“ передовых Подольских рот,

овладевших первым завалом, и вместе с этим открылся жестокий ружейный огонь с турецкой стороны и в ответ с наших траншей; а через 5 или 10 минут загрела страшная артиллерийская канонада с обеих сторон, причем турецкие залпы и гранаты из мортир ложились преимущественно на гору Николая и вдоль шоссе против двигавшихся наших войск.

После первой траншеи взята была вторая, но уже с громадными потерями, а в третьей траншее, куда добежали уцелевшие, почти все они устлали своими телами ров.

Потребовались подкрепления.

На шоссе, у выхода со Св. Николая, под адским огнем, стал Радецкий с дивизионным командиром Петрушевским и генералом Бискупским, который, не жалея себя, как солдат работал в общем движении. Огонь был так силен, что некоторые падали, переступая выход из нашей траншеи; а отойдя всего шагов 50, шоссе уже буквально загромождалось телами раненых и убитых. Генерал Петрушевский, видя, какое тяжелое впечатление производят на солдат массы раненых, вышел сам и провел 1-й батальон Подольского полка, а за ним и 2-й батальон того же полка до турецких ретраншементов.

В это же время начал подходить, имея во главе командующего полком, полковника Бакова, 1-й батальон 56-го пехотного Житомирского полка, вызванный из резерва. Генерал Бискупский также сам провел эти подкрепления до второго рва на шоссе, поручив полковнику Бакову удерживаться тут до последней крайности.

С этими свежими войсками можно было удержаться в занятых траншеях; но идти далее, под перекрестным огнем с фронта 10-ти мортир, ужасного ружейного огня, а сбоку — гранат с „Девятиглазой„ и „Соска“, не представлялось никакой возможности.

Радецкий становился все мрачнее и мрачнее. Он взошел на вершину Св. Николая, осыпаемую тучами пуль и гранат, и с этого орлиного гнезда следил за битвою. Но скоро и его затянуло густым туманом, и перестал видеть, что делается под ним.

Много пало храбрых, но великую пользу принесли они делу, удерживая против себя 22 табора и всю артиллерию турок, не давая им обрушиться на отряд Мирского.

Вся надежда оставалась теперь на отряд Скобелева.

Генерал Скобелев еще с ночи готовял план атаки, в ожидании, пока соберутся в Иметлийскую долину дебуширующие из гор главные силы его отряда.

Прежде всего, нужно было выбрать пункт атаки и сделать соответствующие распоряжения. Тут являлся выбор между деревней Шипкою и укрепленным лагерем в Шеново.

Генерал Скобелев отдал в 6^{1/2} часов утра диспозицию для боя на 28-е декабря.

В ночь с 27-го на 28-е декабря к отряду Скобелева прибыл генерал-лейтенант Дохтуров. Объяснив генерал-лейтенанту Дохтурову роль, которая в предстоящем деле падала, по его мнению, на кавалерию, Скобелев, кроме того, просил его послать сотню уральских казаков, под командою войскового старшины Кирилова, к стороне Калофера и Карлова на соединение с генералом Карцевым и для рекогносцировки долины к западу от Иметли, а также для охранения тыла наших войск.

Флигель-адъютанту князю Вяземскому, командовавшему позициями на горах, приказано было стянуть все свои войска в долину, оставив только по одной роте на фланговых горах.

Для защиты же дер. Иметли со стороны Калофера, в случае атаки этой деревни во время боя у Шенова, оставлена 1-я дружина болгарского ополчения.

Скобелев только кончал последние распоряжения часов около 5^{1/2} утра 28-го декабря, как послышалась сильная ружейная перестрелка на левом фланге.

Приехав туда, он убедился, что перестрелка происходит не на его позиции, а у князя Мирского. Благодаря тихой, безветренной погоде и чистому, холодному воздуху, выстрелы эти казались так близки, что все войска приготовились и ожидали приказа.

Часов около 8^{1/2} стало рассветать, и Скобелев дал приказание начальнику штаба собирать войска, согласно данной диспозиции.

Часов в 10 стали строить боевой порядок передовые войска, под командою флигель-адъютанта полковника графа Толстого.

Передовой отряд выстроился следующим образом: впереди — 9-й и 11-й стрелковые батальоны, за их правым флангом — 5-я дружина болгарского ополчения, за левым — 6-я дружина; в резерве — четыре роты стрелков Углицкого полка (вооруженные ружьями Пибоди), между двумя стрелковыми батальонами — горная батарея.

Не имея еще сведений от Суздальского полка и не желая вступить в решительный бой до сосредоточения всех своих резервов, Скобелев приказал передовому отряду, подойдя на хороший ружейный выстрел, остановиться и завязать ружейную перестрелку, которую и продолжать до нового приказания, желая таким образом подготовить атаку хотя бы ружейным огнем, не имея вовсе полевой артиллерии и

действуя против неприятеля, артиллерия которого была весьма сильна, как по количеству, так и по качеству орудий.

Горным орудиям также было приказано открыть стрельбу. Они молодецки понеслись далеко вперед, несмотря на жестокий огонь, и лихо вступили в неравный бой. Что касается горных орудий, то Скобелев не столько рассчитывал на материальный вред, наносимый ими, сколько на нравственное их влияние. Для усиления же впечатления, ими производимого, и для того, чтобы ввести в заблуждение противника относительно калибра их, он велел подрывать хоботы горных пушек, и таким образом снаряды, пущенные под огромным углом возвышения, долетали на весьма значительные расстояния.

Приблизительно часов в 11 был ранен граф Толстой осколком в руку, но впрочем, тот час же после перевязки вернулся снова во фронт. На его место назначен был полковник Панютин. С этой минуты вся тяжесть боя падает на последнего. Для усиления передового отряда был послан весь Углицкий полк.

Около 12-ти часов Скобелев получил чрез ординарца одобрение от генерала Радецкого относительно сделанных им распоряжений. Это придало ему новую бодрость.

Вскоре затем на левом фланге передового отряда было снова заметно движение вперед, а затем крики «ура», распространившиеся живо по всей линии. Сначала Скобелев намеревался еще выждать и не поддерживать всеми своими резервами этой атаки, но, получив уведомление, что Суздальский полк и две болгарские дружины уже подошли к резерву, и что наша кавалерия, став на казанлыкскую дорогу, окружила турок, он решился воспользоваться энергией, с которою была предпринята атака первой линией, и поддержать ее.

В это самое время Скобелев получил известие о соединении наших кавалерийских частей с частями генерал-адъютанта князя Мирского к юго-востоку от дер. Шеново.

Между тем неприятельская кавалерия все еще виднелась близ Шипки, и выставленные в ту сторону две сотни казаков доносили, что там видна и неприятельская колонна пехоты. Впоследствии оказалось, что войска князя Мирского действительно заняли большую часть деревни, а часть, обращенная к отряду Скобелева, была еще в руках турок.

Для полного обеспечения своего левого фланга, Скобелев развернул против Шипки еще батальон Владимирского полка и тогда приступил к распоряжениям касательно поддержки атаки Шеново, веденной крайне решительно, энергично и смело войсками, составлявшими первую линию, и их доблестным начальником.

Углицкий полк и 5-я дружина болгарского ополчения, вызванные полковником Панютиным вперед для атаки, стали на линию стрелков и, не выпустив ни одного патрона, стройно, быстро и в полном порядке, под убийственным огнем, ринулись на турок. 2-й батальон Углицкого полка, встреченный особенно сильным огнем, остановился было. Два раза приказания полковника Панютина, переданные через ординарцев, остались неисполненными. Тогда полковник Панютин подошел к батальону, взял знамя из рук знаменика и понес его вперед. Этот пример самоотверженности и смелости, конечно, не остался без последствий: весь батальон, как один человек, поднялся на ноги, и напор этого батальона был настолько силен, что враг не мог устоять. Опушка леса, окружавшая деревню Шеново, перешла в наши руки. Неприятель засел в укреплениях на опушке, вправо и влево от неё, и в самой деревне, обращенной турками в непрерывные ряды завалов, баррикад и траншей.

В это время был ранен командир 2-й бригады 16-й дивизии генерал-майор Гренквист. Он здесь, как и во всех предшествовавших боях, был впереди, презирая опасность, и своим поведением и присутствием воодушевлял солдат.

Тогда же была получена Скобелевым от князя Мирского следующая записка:

„Деревня Шипка и сзади её большой курган взяты нами с боя. Вчера нами занят Казанлык. У меня в боевой линии 15 батальонов; в резерве очень мало. Князь Святополк-Мирский. 28-го декабря 1877 г. 12 ч. дня“.

К этому времени, как уже сказано, опушка леса, окружающего дерев. Шеново, была в руках Скобелева; оставалось брать редуты и батареи на линии опушки, еще сильно занятые турками.

Этим и занялись герои передовой линии.

Генерал Скобелев придвинул из 2-й линии к опушке батальон Казанского полка подполковника Байковского, которому дал приказание окопаться у опушки и образовать, таким образом, опорный пункт (род редюита) для передовых войск.

Другой батальон, 1-й батальон подполковника Завадского, Казанского полка, был послан левее и обошел неприятельский правофланговый редут, который и взял с тылу. Все батальоны шли с распушенными знаменами, с музыкой, как на параде, равняясь в ногу.

Все время шел впереди сам Панютин. Его громадную фигуру видели отовсюду, и, благодаря громкому голосу, его команда слышалась с конца в конец Углицкого полка, когда тот подступил к укреплениям развернутым фронтом.

Энергия атакующих войск не ослабевала, а скорее усилилась после прорыва первой линии турецких траншей. Завязался жестокий

штыковой бой, продолжавшийся более 10-ти минут, в продолжении которого даже стихла пальба по всей линии.

Ни адский огонь, ни стойкость врага не могли остановить движения стрелков, Казанцев, дружинников и Угличан. Один за другим, все опорные пункты турок переходили в наши руки, и в 1³/₄ часа полковник Панютин уже доносил, что деревня очищена от неприятеля. Наши войска, добежав до противоположной опушки деревни, остановились и, вновь устроенные своими офицерами, открыли по отступающему неприятелю усиленную стрельбу почти в упор.

Опушку деревни, обращенную к дер. Чекерли, приказано было также привести в оборонительное состояние, так что единственная попытка турок перейти здесь в наступление была остановлена без особых усилий и потерь с нашей стороны одним лишь огнем.

В то же самое время № 1-го казачий полк, под руководством самого начальника генерал-лейтенанта Дохтурова, обскакав деревню с тыла, лихо атаковал бегущего неприятеля и оставил на поле несколько сот неприятельских тел, взяв притом около шести таборов в плен и два знамени.

Главное участие в этой атаке приняли сотни №№ 1-го и 2-го казачьих полков.

Выехав перед деревнею, Скобелев приказал немедленно привести в порядок некоторые части передового отряда и велел начать преследование.

В это время турки, оборонявшие долину, скучились в центральном редуте, расположенном на высоком кургане между дд. Шипкою и Шеново, а также и в укреплениях вокруг него. Они были уже окружены русскими со всех сторон: с востока — отрядом Мирского, с запада — войсками Скобелева. Расстреливание неприятеля, скученного на сравнительно небольшом пространстве, приняло самый ожесточенный характер. Наконец, осыпав окончательно противника градом пуль и снарядов, войска наши с двух сторон снова ринулись в атаку, как вдруг на центральном турецком редуте в долине был выкинут белый флаг.

Там находился сам главнокомандующий шипкинской турецкой армией Вессель-паша. Чрез несколько минут Скобелев был уже здесь. Вессель-паша сдался ему безусловно, немедленно послав приказание сдаться, по требованию Скобелева, и турецким войскам, расположенным на Лысой горе и перед фронтом Св. Николая, где еще шла ожесточенная пальба.

В 4-м часу пополудни стрельба начала повсюду утихать и наконец совершенно прекратилась. Турки, бывшие на Лысой горе и перед горою Св. Николая, видя, что они также отрезаны отовсюду, и получив переданное им приказание Весселя-паши, также сдались.

Раздалось громовое русское «ура», прокатившееся с долины Шенова и на вершины Св. Николая... Все было кончено. Шипкинские герои были освобождены. Много их пало, но уцелевшие удержали против себя турок, дав тем возможность Скобелеву и Мирскому покончить с остальными.

Это было одно из самых славных дел в кампании, совершенных во имя взаимной выручки и боевой поддержки.

Радости и восторгу солдат не было конца. Все поздравляли друг друга, обнимались и целовались, точно в Светлое Христово Воскресенье.

В этот день сдались нам: 41 табор, 93 орудия и 6 знамен. Кроме того, взято было множество боевых и провиантских запасов.

Потери наши в этот день заключались: в отряде генерала Радецкого: 2-я бригада 14-й дивизии потеряла 1,700 человек нижних чинов и половину офицеров; в отряде князя Мирского: выбыло из строя 70 офицеров и 2,030 нижних чинов; в отряде генерала Скобелева — 44 офицера и, 484 нижних чина. Во всех же трех отрядах потери доходили свыше 5,000 человек убитыми и ранеными, в том числе 130 офицеров. Это свидетельствует, с каким беспримерным самоотвержением дрались наши войска.

Потери турок были еще больше. Все редуты, скаты гор и равнина перед Шипкою и Шеновым были усеяны их телами.

Победа эта имела решающее значение на ход прошлой кампании. В этом деле была уничтожена одна из лучших турецких амий. С пленением шипкинской армии открыт был самый удобный и кратчайший путь к Адрианополю. Одним ударом, нанесенным туркам в этом бою, вся восточная половина Балканов была очищена. Все турецкие отряды, занимавшие проходы Ханкойский, Сливненский и прочие, в полной панике и деморализации покинули их и бросились к Адрианополю. 10-ти тысячный вспомогательный отряд, шедший к Весселю-наше на подкрепление и находившийся всего в расстоянии нескольких часов пути от Шипки, узнав об участии шипкинской армии, поспешно отступил также к Адрианополю. Все это открывало фланг, а отчасти и тыл Сулеймана-паши, наступавшего на западный отряд генерала Гурко и, без сомнения, имело ближайшее влияние на его поспешное отступление, граничившее с бегством. Словом, с пленением турецкой шипкинской армии кампания кончалась.

Заслуга эта, бесспорно, всецело принадлежит нашим шипкинским героям-мученикам, с беспримерною стойкостью и нечеловеческим терпением удерживавшим за собою твердыни Шипки в течение пяти месяцев и приковывавшим к себе в продолжении всего этого времени лучшие турецкие силы, пока они не были, наконец, сломлены с помощью тех же героев-мучеников. Правда, за все это они дорого заплатили. 14-я дивизия устала своими трупами вершины и скаты Шипкинского

перевала, над которым долго еще носились стаи хищных птиц, в надежде найти забытый труп солдата. Обширная братская могила на перевале, в стороне от шоссе, с белыми деревянными крестами над нею, до сих пор свидетельствует о мученичестве и самоотверженности шипкинских защитников. Но, умирая, герои готовили великое торжество земле русской. Грозная, суровая, окутанная облаками и вся политая дорогою русскою кровью вершина Св. Николая навсегда останется достойным монументом над трупами этих героев и славным памятником генерала Радецкого, загладившего неудачу нашего первого забалканского набега».